„Северный огонек“
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Читатели газеты «К победе коммунизма» не один раз встречали имя Олега Борисовича Рихтера. Более десяти лет живет и трудится он в Сургуте, работает в тресте Запсибгидростроя. Является активным членом клуба «Северный огонек».

В сегодняшнем выпуске мы представляем его творческий отчет.

Начала нет, и нет
предела в Млечном...
Мерцанье звезд не
предвещает новь.
Все тот же мир —
он неизменно вечен.
И неизменна вечная
Любовь.
Что наша жизнь?
Она мелькнет и канет...
Но есть Любовь, чтоб
вечности служить.
Она одна живое
сердце ранит,
Она одна приказывает
жить.
Она одна и губит,
и спасает,
И дух наш обращает
в прах и плоть...
Мерцают звезды,
но не угасают.
Все тот же мир —
его не расколоть.
Начала нет и нет
конца пространству.
Любви начала нет.
И нет Любви конца.
Но есть одно святое
постоянство
Знакомых черт
любимого лица.

* * *

На серванте тихо
часики тикали.
У ночника, опустив
голову,
в грустной задумчивости
сидела мать.
Ночь, сквозь маленькое
окошко
ласково играя лунными
бликами,
Опустилась в пустующую
кровать.
За окошком —
мелодичным хором
цикады звенели.
Сквозь поникшие ветви
сада
холодно проглядывал
Млечный путь...
На скамеечке тихонько
плакала девушка в белом—
о том, чего никогда
не вернуть...

* * *

Куда ни глянешь —
аксиома
Тебе о правиле твердит.
На службе, в обществе
и дома
Как будто всяк по мерке
сшит.
Мы, словно гвардия
прохожих,
Однообразно хороши.
Но как на деле не похожи
В хитросплетениях души!
Что на виду, что всем
известно —
Сочтет за истину
глупец.
Ведь все, что важно,
интересно, —
Хранится в тайниках
сердец.
Так было, есть и вечно
будет
В круговороте перемен.
О, братья по земле!
О, люди!
Люблю вас вне
подмостков сцен!

* * *

Мне гадалка на картах
гадала.
Я притих, прикусивши
язык...
Нагадала ни много ни
мало —
Муки адовы веером
пик.
«Плохо, милый,—
гадалка сказала.—
Ждут несчастья тебя
впереди,
То ли жизнь тебя
обокрала,
То ли сердце безумца
в груди».
А еще мне она нагадала —
Путь-дорогу до дома
бубей.
А для сердца —
ни много ни мало —
Несравненную даму
червей.
И теперь я в мучениях
диких,
Карты веером сыплю
с руки, —
И разят меня черные
пики
От безумной червовой
тоски.

* Новелла

У ОКНА

О. РИХТЕР

ЗА ОКНОМ разыгралась метель. Тоскливо завывал ветер, ударяя в стекло снежной пылью.

Екатерина Николаевна, красивая тридцатилетняя шатенка с серыми глазами, выражающими тревожную задумчивость, стояла у окна и смотрела на улицу. Там было уже темно. Ранние зимние сумерки и густая пелена снега скрадывали очертания домов, а по тротуару, казалось, двигались призрачные тени.

Постепенно количество прохожих уменьшалось, а она все стояла и смотрела, провожая каждого взглядом, словно ожидая, что кто-нибудь вдруг остановится и посмотрит на ее светящееся окно. Но прохожие, подняв воротники, сутулясь под напором ветра, быстро проходили мимо.

Впервые за последние два года, с тех пор, как она стала жить одна, на Екатерину Николаевну нахлынуло непроходящее, ноющее чувство, от чего опускались руки и ничего не хотелось делать. И то ли от этого внутреннего состояния, то ли от того, что от окна дуло, ее все время морозило, и она зябко передергивала плечами.

Почему-то в этот вечер на нее вдруг обрушились воспоминания, которые, казалось бы, уже не должны были волновать. Не потому ли, что накануне она встретила на улице Сергея Дмитриевича, бывшего своего мужа, с молоденькою женой? Но какое ей дело до этого? Любовь, заманчивая новизна и интимные радости — все обратилось в прах, поросло былью. И все же... она хорошо помнит, как в последние два—три года тяготилась замужеством, мучилась и обманывала его. Он вечно был занят неотложными делами, надолго оставлял ее одну, мало уделял внимания, а она живой человек — вот и результат. Правда, Сергей Дмитриевич пытался увлечь ее своими интересами и сделать помощницей, подсовывая книжки о жизни Льва Толстого, Гаршина и других знаменитостей, у которых жены были самоотверженными дурочками Одна как проклятая переписывала романы, другая вязала чулки, пока муж писал, так как ему требовалось ее присутствие при этом процессе, третья... Короче говоря, все мужчины эгоисты. Стоит ли жить для того, чтобы превращаться в служанку, в рабыню обстоятельств? Нет, она не желала такой судьбы. Она тогда твердо решила, что лучше жить одной... А он все же любил ее и даже на суде при разводе сказал об этом. И после продолжал убеждать, чтобы выбросила из головы глупости. Хорошенькие глупости! Она и слушать не хотела, торопила с разменом квартиры.

И вот теперь у нее прекрасная однокомнатная на третьем этаже, уютно обставленная, и все, что она делает, так это только для себя, без чьих-либо претензий...

Но от чего так тошно на душе? Не от того же, все-таки, что она встретила эту парочку молодоженов? Смешно... Они явно растерялись, лица стали серьезными, чуть ли не почтительными, и раскланялись, как в старом водевиле. Интересно, кольнуло ли у него сердце? По лицу не определить, умеет собою владеть. А у той — любопытство из глаз наружу лезло, не умеет эмоции прятать. Дурочка, может быть? Да нет, Сергей Дмитриевич не такой простак, чтобы на дурочке жениться. Ему ее в общество выводить, в круг знакомых, их бывший круг... И смотрится она неплохо, хорошенькая, волосы рыжеватые, — видимо, хной подкрашивает, — и похоже, что слишком подвижная. Хлопотно будет с нею Сергею Дмитриевичу... И хохочет слишком громко... Наверное, как всегда, он рассыпал свои остроты. А ее, Екатерину Николаевну, его остроты всегда раздражали. Да и сдержаннее она, чем эта рыжеволосая, и красивее. Что его подкупило? Ее молодость? А куда девалось «вечное чувство», о котором он говорил? Вот и верь в настоящую любовь.

Тогда ей показалось, что в его взгляде промелькнуло нечто похожее на сожаление или сочувствие. Почему вдруг сочувствие? За что ее нужно жалеть? Пусть себя жалеет...

Екатерина Николаевна уже хотела было отойти от окна, как вдруг заметила за пеленой снега идущую пару. Она невольно сжалась и отступила за портьеру. Это были они... Они приближались к рябине, стоящей у тротуара напротив. Вот они остановились, и он стал показывать куда-то вверх рукой. Не на грозди ли побуревших ягод, висящих на голых ветках? Нет, скорее всего, на ее освещенное окно...

У Екатерины Николаевны замерло дыхание. Может быть, надумают зайти? Ну что же, она встретит их как гостеприимная хозяйка, угостит свежим, крепким чаем, как он любит... Но что за нелепые мысли? Зачем им заходить? Так и есть, они уже не смотрят вверх и пошли дальше.

Екатерина Николаевна передернула плечами, но не от озноба, а от раздраженья, недовольства собой, и поспешно отошла от окна. Она выключила верхний свет, включила торшер, набросила на себя пуховый платок и с ногами забралась в глубокое удобное кресло, стоящее у книжных полок. Пошарив глазами по рядам книг, она взяла томик стихов Лермонтова в голубом переплете, нашла нужную страницу и пробежала по ней глазами:

«Любить, но кого же?
На время не стоит
труда.
А вечно любить
невозможно.
В себя ли заглянешь,
Там прошлого нет и
следа...»

Прочитав, она задумалась, и так, сидя неизвестно сколько времени, еще думала, перебирая в памяти события из прошлой замужней жизни и настоящей, насыщенной ухаживаниями мужчин, для которых она представляет собою особый соблазн как одинокая, красивая, имеющая отдельную квартиру женщина. Она только и успевает отмахиваться от этих ухаживаний, зная, что мужчины любят похвастать своими победами, а ей ни к чему портить репутацию для будущего. Но сплетни, словно мерзкие мокрицы, расползаются повсюду, ставя под сомнение ее добропорядочность.

Постепенно мелкая дрожь стала охватывать Екатерину Николаевну от подкатившего непонятно почему смеха.

— Ха-ха-ха! — захохотала она громко грудным голосом. — Ха-ха-ха!

Она смеялась долго, смахивая ладонью слезы, застилающие глаза. Затем, преодолев приступ смеха, Екатерина Николаевна резво вскочила с кресла и пошла на кухню с таким решительным видом, будто собралась совершить что-то очень важное.

— А я тоже люблю свежий, крепкий чай! — сказала она таким тоном, словно кому-то бросала вызов.

**Взволнованность
извечного начала,
Загадочность не
наступивших дней—
Навстречу мне ты тихо
излучала
Сквозь гущу
обезлиственных ветвей.**

**Земля еще следы
хранила тленья,
Но распадался зимний
монолит...
О том, что неизбежно
обновленье,
Казалось, даже небо
говорит.**

**Ты безудержно в
воздухе парила,
Заманивая дымкой
голубой.
В тебе была пленительная
сила,
Великий зов слияния
с тобой.**

**Ты призывала силы
к пробужденью,
Влетала в души и
топила лед.
Великий миг начала
и рожденья—
Весною человечество
зовет.**

СЛОВО О БЕЛОКАМЕННОЙ

* Новые книги

«400 лет Тобольску: сборник документов и материалов» — так называется книга, выпущенная недавно Средне-Уральским книжным издательством.

Почему мы об этом сообщаем? Во-первых, потому, что у наших городов очень схожие судьбы. Сургут и Тобольск почти ровесники, и на протяжении веков они накрепко связаны между собой Когда-то Сургут был в составе Тобольского наместничества, губернии, округа. Белокаменная столица Сибири оказывала огромное влияние на весь Обской Север.

Во-вторых. В книгу вошло 266 исторических документов. Значительная часть из них имеет непосредственное отношение к Сургуту.

Вот, например, указ императрицы Екатерины II об учреждении Тобольского наместничества от 19 января 1782 года. В состав нового административно - территориального деления России вошел и Сургутский уезд. Именно тогда, в 1782 году, Сургут впервые стал городом и носил этот статус вплоть до 1923 года. Тогда же был учрежден герб нашего города: на золоченом поле — черно-бурая лиса. Это в знак того, что обитало пушных зверей здесь тогда великое множество.

В доношении городского магистрата по экономическому состоянию Тобольска от 24 марта 1797 года говорится о развитии торговли. Есть там и такие строки о купцах, которые «также ходят на Обь реку для промыслу рыбы до Березова, Нарыма, Сургуту и далее судами с наемными работниками. И там у живущих остяков нанимают пески и своими неводами ловят рыбу по званиям: осетров, нелем, муксунов, сырков и соливши оную доходят судами до городов Тобольска и Тюмени. И с судов возят гужем до Екатеринбурга...».

А вот уже 1890 год. Из отчета Тобольского полицейского управления. «В г. Тобольске находится почтово - телеграфная контора и, кроме этого, одна почтовая станция с 6 парами лошадей, с платой по контракту по 403 рубля в год на пару лошадей. Приход в г. Тобольск и отход сибирской почты бывает два раза в неделю, а московский приход 5 раз и отход 4 раза в неделю, в г.г. Березов и Сургут почта отходит каждонедельно на срочных пароходах купца Игнатова, зимою через две недели, конная...».

Много документов собрано в книге о революционной борьбе. 19 января 1906 года по постановлению начальника Тобольского губернского жандармского управления была арестована большая группа революционно настроенных товарищей. В их числе сургутские мещане Алексей Степанович и Павел Степанович Сухановы. Позже, 1 мая 1907 года, наши земляки участвовали в политической первомайской демонстрации.

В дальнейшем по книге хорошо прослеживается работа трудящихся Севера за установление Советской власти и строительство социализма. Много документов характеризуют героический труд сибиряков в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. На завершающих книгу страницах встречаются фамилии знакомых нам людей, внесших большой вклад в становление и развитие новых отраслей экономики Тобольска и Сургута.

«400 лет Тобольску» состоит только из документов. Она представляет немалый интерес для историков, краеведов, для каждого, кто интересуется прошлым нашего края.

Сборник создан группой научных работников Тюмени и Тобольска. В их числе профессор Д. И. Копылов, заведующий архивным отделом облисполкома Н. Т. Вокуев, научный сотрудник партийного архива обкома КПСС Н. Д. Радченко и уже хорошо известный нам автор ряда хороших книг по истории Севера и Сибири заведующий кафедрой Тобольского педагогического института имени Д. И. Менделеева, доктор исторических наук и почетный гражданин Тобольска Ю. П. Прибыльский.

И. ЗАХАРОВ.